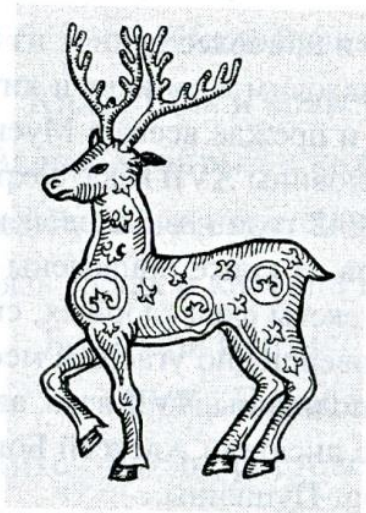

Сказання Ростова Великого,

записанные
Александром Артыновым

Издание второе дополненное

Москва 2007

ББК 28.04
С 42

Литературная обработка текстов, комментарии, вступительная статья выполнены академиком Международной Славянской, Петровской и Русской академий наук, профессором, доктором филологических наук *Юрием Константиновичем Бегуновым*.

Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым. Составление, предисловие, комментарии Ю.К. Бегунова. Изд. 2-е дополненное. — М.: Белые альвы, 2007. — 368 с., ил. ISBN 5-7619-0266-4

Все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора находим в записях и литературной обработке А.Я Артынова и прежде всего в Мусин-Пушкинском сборнике второй половины XVII века, сохранившемся в пересказе Артынова 1842 года и в белой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В книге приведены в пересказе на современный язык тексты фольклорных, сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

ББК 28.04

ISBN 5-77619-0266-4

- © Бегунов Ю.К., составление, предисловие, комментарии, 2007.
- © Пресняков М.А. иллюстрации, 2007.
- © Благотворительный Фонд Духовной Культуры, 2007.
- © Белые альвы, 2007.

Ростов Великий и ростовский сказочник Александр Артынов

Между полноводной Волгой и старопрестольной Москвой есть большое овальное озеро, богатое рыбой и илом. В народе его зовут Неро, или Каово, а чаще всего — Ростовским. В его водах в ясную погоду отражаются золотые купола с крестами и разноцветные маковки церквей, башни и стены с зубцами величественного кремля. Это Ростов Великий. Кремль, построенный в XVII веке при митрополите ростовском Ионе Сысоевиче, и сегодня воспринимается как застывшая музыка древнерусской архитектуры. Не только архитектура, но и фрески, живопись, иконы, старинная утварь и книги, которых много хранится в ростовских музее и архиве, — все напоминает о том времени, когда здесь было богатое и могучее Ростовское княжество. Из того времени дошли до нас древние ростовские книги — средоточия народной мудрости и красоты, дошли, благодаря подвигу собирателей, археографов и фольклористов.

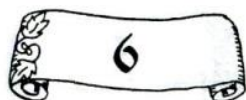
Заглянем в «Повесть временных лет». В ней рассказывает, что, приняв власть над Северо-Западной Русью, конунг Рорик Ютландский, или князь Рюрик, стал раздавать в управление своим мужам Русские города. В числе их под 862 годом упомянут и Ростов. Второй раз город упоминается в той же летописи под 907 годом, на этот раз в договоре киевского князя Олега Вещего с греками как город, получающий дань!

А основан «Россов стан» был еще раньше в земле мери, финно-угорского племени, вероятно, в IX или даже VIII веке словенами ильменскими, предприимчивыми и смелыми людьми, создателями и хранителями веча и первого народного государства. Только местное предание и «История российская» В.Н. Татищева сохранили

имя основателя Ростова: князь Владимир Яналец. Ростовцы, считавшие себя младшими братьями новгородцев, издревле возлюбили свободу и дорожили ею, считали городское вече и своих князей своими заступниками. К сожалению, документы не сохранили имен первых ростовских князей, они остались только в преданиях. Лишь с XIII века известно достоверное историческое лицо. Это ростовский князь Константин Всеволодович (1212-1220), сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Мономаха. От князя Константина пошли многочисленные ростовские удельные князья: Бахтеяровы, Брюхатые, Буйносовы, Гвоздевы, Голенины, Лобановы, Немые, Приимковы, Темкины, Хохолковы, Щепины и другие. Один из них, князь Александр Борисович Ростовский, в 1470 году «продал» Ростов московскому великому князю Ивану III. Ростовское удельное княжество окончательно перестало существовать, войдя в состав Московского централизованного государства. И все же ростовцы сохранили свои местные культурные традиции, литературу, фольклор. Этот ростовский фольклор был заботливо собран и литературно обработан крестьянином Александром Яковлевичем Артыновым (1813-1896), жителем села Угодичи, находящегося в пяти километрах от Ростова, через озеро.

Сказочник-собираатель принадлежал к роду в прошлом крепостных крестьян, который берет начало от Торопки Голована, слуги ростовского князя Бориса Владимировича. Князь был убит 24 июля 1015 года по наущению князя Святополка Окаянного на берегу реки Альты, близ Переяславля Южного. Торопка прискакал с печальной вестью в Ростов Великий, с тех пор его прозвали «Альтин». Один из Альтиных, Васька Вихорь, в 1613 году участвовал в поимке на реке Яике атамана донских казаков Ивана Мартыновича Заруцкого, принимавшего участие в «смуте» на стороне Лжедмитрия II. Вихорь-Альтин переменял свое прозвище на «(М)артынов».

До наших дней сохранилась, благодаря ростовскому историку-краеведу А.А. Титову, часть творческого наследия Артынова — более 80 рукописных книг, содержащих 50000 листов текста. Весьма разнородный этот материал можно разделить на несколько групп: записи подлинных фольклорных и древних исторических и литературных текстов; пересказы подобных же текстов; переработки и

переделки тех же текстов в целях создания сводных литературных текстов; исторические сочинения (местные ростовские летописцы, сказания о князьях, их родословные и пр.), созданные на основе известного ему местного материала; литературные сочинения (одна-две повести) и несколько десятков стихотворений и поэм, созданных А.Я. Артыновым.

Классифицировать рукописный материал Артынова сравнительно легко, так как ростовский собиратель и книжник отличался высокой порядочностью в отношении используемых им материалов: он всегда указывал в подстрочных примечаниях, в комментариях и предисловиях, откуда взят материал, кто, что и когда послужило источником. Однако имеются и затруднения. До встречи в 1869 году с профессором М.П. Погодиным Артынов не знал, что источники надо цитировать полностью, и не сохранил точных копий бывших в его руках уникальных историко-литературных материалов: Мусин-Пушкинского сборника, Трехлетовского и Хлебниковского летописцев. Сохранился лишь подробный пересказ текста Мусин-Пушкинского сборника, содержащего 120 уникальных сказочных повестей, основанных на местном фольклоре XVII века и старше (рукописи РЫБ, из собрания А.А. Титова, № 4131 и 4132. 1887-1888), а также краткие пересказы Хлебниковского и Трехлетовского летописцев (рукопись РНБ, из собрания А.А. Титова, № 4580. 1878-1879) и некоторых документов.

Сказочные повести Артынова — это в общей сложности несколько сотен неизданных текстов разной ценности. Их необходимо исследовать и ввести в научный оборот, так как они содержат первоклассный материал как для историков фольклора, так и для историков древней русской литературы, а также для этнографов. Однако здесь есть одна особенность. Если эти сказочные повести сочинил Артынов, то они могут рассматриваться только в ряду лубочной литературы XIX века. Но если Артынов не сочинял, а составлял сводные тексты из услышанного и записанного, тогда ценность его наследия возрастает. Установить источники и отслоить хронологически этапы его работы — задачи исследователя. Ведь Артынов, что весьма существенно, не только пользовался указанными тремя литературными сборниками XVII-XVIII веков, но и сам записывал фольклор.

Ведя крестьянский образ жизни, А.Я. Артынов тем не менее не был типичным крестьянином. Он, очевидно, принадлежал к крестьянской интеллигенции России. Взяв на себя роль историка Ростова Великого, Артынов нажил себе довольно много врагов, которые не считали его труды серьезными и закрывали ему дорогу к научной деятельности, к публикациям, признанию. Будучи скромным человеком, Артынов говорил, что пишет для себя, для сына Якова, для внуков Саши, Миши и Сережи. Но втайне хранил надежду, что когда-нибудь его рукописи пригодятся народу. И современники заметили его подвижнический труд еще при жизни собирателя. Село Угодичи сделалось местом паломничества любопытных. Историко-этнографический очерк о селе Угодичи выдержал пять изданий, увидели свет и два предания XV века об архиерейской шапке Иоасафа Оболенского и о попе Георгии Скрынице в «Ярославских епархиальных ведомостях». Однако основные книги Артынова остались в его архиве. Большая часть архива сохранилась благодаря купцу-миллионщику и историку-краеведу А.А. Титову, который с 80-х годов XIX века покупал у Артынова его рукописи по 50 рублей серебром за штуку. Позднее Титов воспользовался богатым материалом Артынова для создания своих научных работ: «Воржская волость. Исторический и статистический очерк», «Ростовская старина. Вып. 1», «Предания о ростовских князьях», «Ростовский уезд Ярославской губернии», «Велесово дворище и легенда о жреце Киче» и др.

После смерти А.А. Титова в 1911 году его большие библиотека и архив, куда входили и рукописи Артынова, были разделены на части и в настоящее время хранятся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Ростовском музее и в Государственном Историческом музее в Москве.

Александр Яковлевич Артынов работал до последних дней. Когда он ослеп, то диктовал свои труды сыну Якову и внуку Сергею. 17 февраля 1896 года А.Я. Артынов скончался и был похоронен в Угодичах возле Богоявленской церкви. Александра Яковлевича Артынова, чей подвиг как собирателя русского фольклора еще недостаточно оценен и осмыслен, можно по праву назвать достойным продолжателем традиций русской лубочной литературы и народной книги XVII-XVIII веков, подвижником среди собирателей фольклора.

Его сказки помогут читателю открыть окно в исчезнувший духовный мир Древней Руси, узнать о приключениях русских богатырей-князей, совершавших подвиги ради свободы родной земли, во имя торжества добра и справедливости, в честь прекрасных красавиц. Он узнает о деяниях старцев-подвижников вроде Авраамия и простолудинов вроде Ивашечки-с-Крошечку. Он почувствует мудрость правды, которая пронизывает действия благородных князей и прекрасных княжен, богатырей-поляниц, добрых волшебников и волшебниц. Он узнает о космогонических и географических представлениях людей Древней Руси, искавших земной и небесной мудрости, которых объединяет служение нравственной красоте и доброте, олицетворяемой во Святой Руси. Читая артыновские тексты, невольно воодушевляешься высокой нравственной чистотой, которая присуща героям сказочных преданий, поражаешься их возвышенностью, искренностью и глубиной чувств, верностью любви и дружбе, родной земле. Пленяет сочный выразительный язык, в котором чувствуется древнее начало. А.Я. Артынову удалось сохранить в своих текстах немало подлинных фольклорных черт, искони свойственных древнему народному сознанию.

Чрезвычайно необходимо издать все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора в записях и литературной обработке А.Я. Артынова и прежде всего Мусин-Пушкинский сборник второй половины XVII века, сохранившийся в пересказе Артынова 1842 года и в белой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В ней приведены в пересказе на современный язык тексты 120 полуфольклорных, полулитературных сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

В данной книге представлена лишь небольшая часть сказочных повестей и исторических преданий, сохранившихся в архивах А.Я. Артынова.

Ю. Бегунов, академик

Святой Леонтий, епископ Ростовский, и жрец Кича

От Рождества Христова 1072 лета

Верховный жрец Велесов Кича имел у себя малолетнего сына, по имени Круглец, который был смышленным, предприимчивым, с хорошими склонностями. Мальчика весьма полюбил святой Леонтий за его понятливость и добронравие. Круглец выучился от святителя читать и знал наизусть многие молитвы, которым он затем обучил товарищей своих. Потому

Круглец стал помощником святителя, стал руководителем всех приходящих к святому Леонтию своих товарищей. Святитель же приучал их кутьёю только к хорошему. Круглец знал уже некоторые православные обряды при богослужении в алтаре и сверх того хорошо понимал некоторые догматы христианской веры. Все слышанное из уст святого Леонтия Круглец исправно передавал у себя дома бабе, матери и всем слушающим его со вниманием язычникам. Это приводило к частым ссорам между жрецом Кичей и его домашними, которые иногда восставали против языческих богов, в особенности против златоглавого Велеса. Жить в доме стало совсем нестерпимо. Более всего доставалось Круглецу. После каждой ссоры его на несколько дней заключали в «покаянный подвал» на хлеб и воду. Он находился под храмом бога грома Перуна. Кича долго выговаривал сыну о том, что потомку верховного жреца не следует общаться с волхвом-обаянником (так он называл святого Леонтия) и слушать его богопротивные учения, а быть достойным восприемником своего отца — верховного жреца несравненного Велеса. Но Круглецу все эти слова были что об стену горох. Ему были внятны только слова учения Христова из уст любимого им святителя. Во время мучительных истязаний и самых жестоких пыток боли не чувствовал и был безмолвен, мысленно повторял «Отче наш». Он никогда не плакал. Это весьма удивляло верховного жреца и одновременно огорчало, он приходил к выводу, что все средства, употребляемые им к исправлению сына и к отвержению его от святителя — ласки и строгости, оказались тщетными.

Получив свободу, Круглец пропадал из дому по целым неделям. В это время его находили всегда на Владычном дворе на берегу Брутовщинина ручья играющего с товарищами своими.

Иногда жрец бывал в веселом расположении духа. Тогда Круглец передавал ему все, что видел и слышал у святителя

о вере христианской. Жрец от того становился угрюмым и задумчивым. Наконец терпение его иссякло. Он понял, что нет никакого иного средства к отвращению своего сына от святителя, как только совершенное изгнание святого Леонтия из пределов Ростовских. И он решил изгнать его устами бога Велеса подобно тому, как святой Леонтий раньше изгнал жреца из соборного храма и из города устами Бога своего христианского. Для этого верховный жрец назначил день жертвоприношения богу Велесу плодов земных. Круглец догадывался о хитрых проделках отца своего против святого Леонтия и решил помочь святителю, вооружившись против отца. Он пришел в Велесово дворище и сделал вид, что покоряется воле отца.

За несколько дней до торжества Круглец придумал намазать смолою всю внутреннюю пустоту головы Велеса. Он сделал это тайно, и никто об этом не догадывался. Как сын верховного жреца, Круглец имел свободный вход в тайник святилища Велеса, в котором была устроена потаенная лестница.

Наступил желанный день торжества, на которое стеклось бесчисленное множество народу, чтобы узнать возвещаемую жрецами волю великого бога. Начался обряд жертвоприношения плодов. И все, увидав густой дым, выходящий изо рта, ушей и глаз божества, решили, что Велес на что-то гневается. Тем временем изо рта Велеса стали вылетать искры все более и более. Наконец появилось и пламя, которое жрецы истолковали как признак великого гнева. Вслед за пламенем глухой могильный голос возвестил находящемуся тут народу, чтобы он под водительством верховного жреца Кичи немедленно выгнал бы из пределов Ростовских ненавистного божеству волхва и чародея Брутовщинина ручья, развратителя и отравителя детей волшебным зельем, называемым кутьёю, святителя Леонтия. «А в случае сопротивления его, — вещал голос, — его нужно умертвить. А если не исполните мою волю, то нашлю на вас великие напасти: мор, голод и огонь небесный!»

Выслушав из уст самого бога Велеса такие грозные слова, народ зашумел и забесновался, требуя немедленного исполнения воли божества и желая теперь иметь себе одного предводителя — верховного жреца Кичу.

Верховному жрецу в это время было ни до кого. Изобретение сына лишило его длинных сребровидных волос на голове и бороде — красоты и гордости. А более всего ему было жаль длинной, широкой, окладистой бороды своей. Увы, это случилось. Желая побольше утратить народ гневом божества, жрец Кича положил в жаровню тройную порцию горящих угольев, отчего в пустой голове Велеса произошел великий пожар, который умножился еще после того, как Кича стал раздувать уголья, добывая из них искры и пламя. От жару и большого курения ладана-смола размягчилась и растопилась, потушив уголье. После речи божества жрец долго глядел в отверстия глаз на беснующийся народ. Все это его весьма утешало. Долго смотрел он на толпу, возбужденную произнесенной им от имени божества речью. Между тем растопившаяся смола уже совершенно остыла и крепко держала в себе волосы жреца. А верховного жреца едва сумели выручить из его засады верные ему люди. К тому времени он уже не имел ни одного волоса ни на голове, ни на бороде, претерпевая нестерпимую муку. От того он немалое время был нездоров.

Ярость верховного жреца не имела границ. Все несчастья были приписаны проискам христиан, за которых, как говорили жрецы Велеса, христианский Бог в гневе опалил небесным огнем верховного жреца. Еще более расшалились ростовцы, когда они узнали, что из-за такого ненавистного их богам чародея верховный жрец лишился личной красоты своей. Говорили жрецы, что Велес обещал украсить Кичу роскошными волосами вновь еще благообразнее по совершенном изгнании из города чародея Леонтия.

Когда Кича выздоровел и стал показываться народу, многие смотрели со слезами на его безобразие и распалялись

все более жаждой мщения святому Леонтию. Горя желанием исполнить возвещенную им волю божества, упросили они верховного жреца идти с ними на чародея. Верховный жрец сделал вид, что только уступает их настойчивым просьбам и молениям, изъявляет желание предводительствовать в изгнании чародея из ростовских пределов.

Неистовствуя, разъяренные гневом ростовцы не шли, а бежали излить свою ярость на злого чародея: изгнать или убить его. И чем ближе приближались они к жилищу святителя, тем сильнее разгоралась их ярость. Повсюду был слышен вопль бегущего бесчисленного народа.

Когда люди побежали к церкви, они узнали, что святитель учит там больших и малых христиан. Они устремились туда, как лютые звери, готовые растерзать святителя и разнести по бревну церковь. Когда святитель Леонтий услышал неистовые крики язычников, он облачился в свои святительские одежды. В крещатой ризе, в митре, с крестом в одной руке и посохом в другой вышел он из храма со всем освященным собором. Впереди святителя шел грозного вида крылатый воин с обнаженным мечом. Увидев все это, толпа народная повалилась на землю словно замертво.

Еще до выхода святителя из церкви верховный жрец увидел, что церковные двери отворились настежь сами собой. От страха он скрылся в толпу народную. В это время громopodobный голос крылатого воина поразил слух верховного жреца. Голос повелевал ему идти к святителю. И вот уже неведомая сила поставила трепещущего жреца лицом к лицу со святителем. Жрец повергся к ногам его, а святитель произнес имя Иисусово и велел встать. Когда святитель произносил эти слова, все воочию увидели, как при имени Иисуса из уст крылатого воина изрыгался пламень огненный, и каждое слово Иисусово звучало подобно грому, нестерпимо отдаваясь в ушах верховного жреца. Наконец, после краткого поучения святитель склонил речь свою к верховному жрецу,

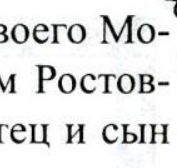
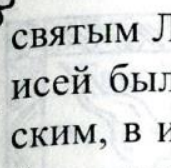
говоря о нем самом и видимом его неблагообразии. «Тебе и мне известно, — говорил святой Леонтий, — как ты лишился волос своих. Вот уже прошло тому немало времени, а ты все еще лысый и безобразный и бог твой Велес не возрас- тил на тебе ни одного волоса. Веруй в проповедуемого мной Бога, и ты получишь благолепие пуще прежнего. Вернутся к тебе волосы на голове и бороде твоей перед лицом всего ростовского народа».

Жрец, едва пришедший в себя от обуявшего его страха, пораженный всем увиденным и услышанным, громко закричал: «Верую в твоего Бога, человече Божий! Помилуй мя, проклиная Велеса и всех идолов своих!»

Тогда святитель стал кротко учить его некоторым первоначальным догматам христианской веры. Потом, огласив его, помолился довольно и осенил находящимся в руке крестом главу жреца и приложил святой крест к устам его. От этого осенения крестным знаменем и прикосновения святого креста мгновенно выросли у жреца сребровидные волосы на голове, отросла и борода, много превосходящая по красоте прежде бывшую.

Видя такое дивное чудо, все язычники ростовские тут же уверовали вместе с бывшим жрецом Кичей во Христа и вместе с ним попросили святителя сделать их христианами, заявив, что они оставляют и проклинаят своих языческих богов.

В непродолжительном времени после этого события святитель Леонтий рукоположил новокрещеного названного Петром бывшего жреца Кичу в иерея. Священник Христов Петр как пастырь шел со многим своим стадом обращенных в христиан в свой терем, находящийся в пределах Ростовских. Несмотря на яростный гнев братии жрецов, иерей Петр сжег дотла притон их — Велесово дворище и взамен построил на этом месте, близ своего терема, небольшую деревянную церковь, в которой сын его Круглец был крещен и назван во святом крещении Моисеем, а вскоре был посвящен

святым Леонтием в дьяконы. После смерти отца своего Моисей был рукоположен святым Исайей, епископом Ростовским, в иерея и был тут примерным пастырем. Отец и сын были погребены в той церкви.

Недолго святитель Леонтий пас свою паству в Ростове Великом. Все изменилось из-за водворившегося в городе безначалия. Совершались тут безнаказанно страшные злодеяния чудского язычества, волхвов и чародеев. Настало определенное Богом время блаженной кончины святителя Леонтия, и давно задуманное злодеяние совершилось по внушению оставшихся жрецов и волхвов. Святитель был замучен язычниками во время кормления детей кутьей в лето 6581-е (1073), июля в 17-й день...

«Сей бысть первый епископ Ростовский, его же Бог прослави нетлением и се бысть первый престольник, его же невернии много мучиша убиша. И се третий гражданин бысть русского мира со онема варягами венчеса за Христа», — написал о нем в послании святой Поликарп, епископ Владимирский.

Святой Леонтий был погребен митрополитом Киевским в присутствии ростовского князя Всеволода Ярославича в Ростовском соборном храме. И «бе великия смертельныя муки убийцам его».

Позднее на месте пролитой крови святого Леонтия, на берегу Брутовщинина ручья, святой Иаков, епископ Ростовский, по изгнании своем с престола основал Зачатьевский, ныне Яковлевский, монастырь.

